

Н. И. КОНОВАЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'27

ББК Ш141.12-003

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «БОЛЕЗНЬ»: СТЕРЕОТИПЫ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется семантическое пространство «Болезнь» в плане отражения в нем стереотипов русского языкового сознания. Согласно логике мифологического мышления компоненты семантического пространства (номинации субъектов, объектов, ритуальных действий, магические заклинания, хронотоп, атрибутика и др.) выполняют суггестивную функцию. Особое внимание уделяется номинативным техникам создания антропоморфизированных обозначений болезни, вписанных в целостный мифосимволический комплекс, основанный на принципах симпатической магии. Продемонстрированы наивные представления о действенной силе в народной медицине совокупности вербальных и невербальных знаков (названий лечащих людей, ритуальных предметов, отражающих эпидигматическую связь с названиями болезни, заклинаний и др. компонентами семантического пространства). С использованием данных ассоциативных, этнолингвистических и диалектных словарей выявляются ассоциативные доминанты русского языкового сознания в восприятии и обработке информации анализируемого фрагмента наивной картины мира.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный словарь, ментальные стереотипы, болезнь, семантическое пространство.

Семантические пространства можно рассматривать как фрагменты национальных языковых картин мира (см. об этом, например, Урысон 2003; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005). Ср. мысль А. А. Леонтьева об этнической обусловленности сознания: «... в основе мировидения и миропонимания каждого

народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем ... видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 20]. Таким образом, языковые единицы «овнешняют образы сознания» [Тарасов 1996: 10] и выступают ключом к декодированию лингвокультурных стереотипов, поскольку «... творческая энергия языка определяет особенности языковой концептуализации и категоризации действительности, задающей собственный ракурс ее интерпретации в разных лингвокультурах» [Гридина, Коновалова, Лундаажанцан 2018: 131].

В языковом сознании современных носителей языка (в опоре на данные «Русского ассоциативного словаря» – РАС⁴) можно выделить несколько базовых направлений структурирования семантического пространства «болезнь»: а) оценочные, эмоционально-экспрессивные характеристики болезни: *тяжелая, неизлечимая, долгая, страшная, опасная, сильная, затяжная, серьезная, смертельная, ужасная, неизлечима, коварная, продолжительная, злая, проклятая* и др.; б) конкретные названия болезней: *Боткина, грипп, СПИД, ОРЗ, сифилис, язва, Базедова, язва, ангина, астма, венерическая, душевная, Дауна, оспа, холера* и др.; в) симптомы болезни: *боль, слабость, температура, насморк, бред, бледный, тяжесть, упадок, повязка на горле* и др.; г) названия лечащих людей: *врач, доктор, зубной врач, доктор Айболит, хирург*; д) названия больных частей тела (органов): *сердца, почек, голова, зубов, глаз, нога, живот, горло, пятка, в суставах, в членах*; е) место лечения: *больница, лечебница, палата номер шесть, психиатрическая, центральная*; ж) атрибуты лечения: *лекарство, шприц, уколы, таблетки, градусник, спирт*.

Отмеченные ассоциативные доминанты семантического поля «болезнь» имеют в основном рационально-прагматический характер. Однако даже при явном превалировании реакций про-

⁴ Курсивом даны реакции на стимул *болезнь* и однокоренные *болезненный, болей, болит, боль, больная, больница, больно, больной* [РАС, Т. I, Т. II].

фанного плана РАС фиксирует реакции, которые можно квалифицировать как реликты наивных народных представлений о болезни, нашедших отражение в русской языковой традиции. Так, протекание болезни описывается в основном предикатами со стертой (а в ряде случаев и живой) антропоморфной образностью: *одолела, отступила, прошла, наступила, отпустила, прогрессирует, продлилась, развивается, уходит, ушла, мучает, скрипит*. Кроме того, довольно большую часть реакций представляют разговорно-просторечные обозначения болезни (*хвороба, хвора, худо, худоба, немощь, чертовщина* и др.), восходящие к устно-поэтической традиции.

Архаические представления о болезни были основаны на логике мифологического мышления, базирующейся на вере в магическую силу слова, обряда, действий с предметами, с помощью которых можно изгнать болезнь и излечить больного. Все компоненты семантического пространства «болезнь» в народной традиции ритуализованы и направлены на «завораживание болезни». К таким компонентам, структурирующим семантическое пространство «болезнь», можно отнести образ болезни, ее название, причины, название лекаря, симпатическое средство (название растения, название обряда, ритуального предмета и т.п.), заговоры и другие вербальные формулы, выполняющие суггестивную функцию.

Чаще всего болезнь представлялась в антропоморфном или зооморфном облике: это могла быть женщина, красивая или безобразная, костлявая, беззубая и/или безглазая старуха; змея, жаба, червь, козел, свинья, птица и др. Реже болезнь воплощалась в каких-либо конкретных предметах (черного волоса, скрученной нитки, гнилого семечка, соринки и т.п.), которые могли расти, увеличиваться в объеме и занимать собой все внутренности заболевшего человека. Визуализированные образы болезни находят отражение в устойчивых выражениях типа: *Оспа с клювом ходит, оттого и пятнает человека щедринками // Болезнь змеей заползает* [179] и др., в поверьях и мифах русского народа [см., например, Левкиевская 2003, Попов 1903, Макаренко 1897, Герасимов, 1898 и др.].

Народные названия болезней отражают представления: а) об их общем облике (*сосец-волосец, волосяница, рожжа, жаба, косматка*);

б) об отдельных симптомах, способах проявления заболевания (*краснуха, глухая, ломовка, костогрыз, бессонница, трясовица, свербежница, падучая*);

в) о времени проявления болезни (*веснуха, третница, зоринная лихорадка, вечерница*);

г) о части тела, которую поражает болезнь (*грудница, животиха, пуповая грыжа, сердцеедка, очанка=глазница, суставница, межперстница*);

д) о возрастной и половой группе людей, на которых направлено действие болезни (*мужицкий переполох, бабий переполох, младенский припадок*) и т.д. Часто имя болезни табуируется, в этом случае для называния используются термины родства или описательные конструкции с обобщающим (семантически диффузным, как правило, оценочным) наименованием: *тетка, кумоха, бабушка, опасная болезнь, страшная болезнь, эта болезнь, одна болезнь, лихо* и т.п. См., например, анализ фразеологизма *кумоху наспать*, представляющего собой «эвфемистическое обозначение лихорадки через термин родства» [Гридина, Коновалова 2017: 126].

Семантическое пространство «болезнь» имеет ярко выраженные культурные смыслы. Ср.: *Что русскому здорово, то немцу смерть* (В. Даль)⁵. Так, например, представления о способе излечения болезни связаны с верой в симпатическую магию. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов [см. Познанский 1917]. Принцип их использования закреплен в народной афористике: *Чем ушибся, тем и лечись! Где упал, там и плюнь (и поскреби)* [171]. Ср. *Клин клином вышибают* и т.п.

Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические экви-

⁵ Здесь и далее пословицы, приметы, приговоры и другие устойчивые словесные формулы приводятся по: [Даль 1993. Т.2]. В скобках указывается только номер страницы.

валенты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на порог на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них "рубил" ножом или топором 3 прутика, выдернутых из голика, при этом читали наговор [см. Герасимов 1898, Макаренко 1897, Попов 1903, Торэн 1996 и др.]. При этом само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Ср. выражение *спину пересекло*, обозначающее боль в пояснице, и название обряда излечения от этой боли *рубить утин* ('боль в пояснице от радикулита, ревматизма или подъема тяжестей') или *лечить присеком* – ассоциативная связка однокоренных слов (*пересекло – присеком*) или симиляров⁶ (*пересекло - рубить*) // *Добыть языка на колокольне* - название обряда излечения немоты: когда отыметса язык, то обливают водой колокольный язык и поят больного [179] // *От курячей слепоты - смотреть в дырочку доски, где выпал сучок* [178] // *Зажать сучок в избе - кровь станет* [180].

Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию действия, которое она производит в организме, и, соответственно, обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью ее уничтожения: *Что грызешь? - Грызь грызу. - Грызи, да гораздо* (от грызи, т.е. от ломоты) [177] // *Житина, житина, возьми свою жичину* (наговор от жичины, ячменя глазного, причем слегка колют его ячменным зерном, которое отдают петуху) [176].

Сакральные практики народной медицины находят отражение в разного рода языковых знаках, в частности, фразеологических единицах. См., например, анализ фраземы *зааминить вереды*, представленный в [Гридина, Коновалова 2017: 127], где «зааминивание – произнесение заключительного слова – многофункционально: <в данном случае> оно выражает значения 'завершение действия', 'уничтожение явления, на которое направ-

⁶ Термин А. А. Залевской.

лен заговор'(веред = чирей), 'защита от нечистой силы' [Коновалова 2007: 113].

Языковые средства конституируют основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приемы воздействия человека на окружающий мир, ибо языческое мировидение, как уже отмечалось, определялось верой в магическую силу слова - наименования предмета, действия, явления, - тождественного магическому действию (ритуалу, обряду). Одним из элементов такого взаимодействия человека с болезнью является антропоморфизация природных явлений: *Зарина, заря орна возьми с раба Божия младенца N зыки и рыки дневные и ночные* (с этими словами нагая бабка обносит нагого новорожденного вокруг бани) [179]. Ср. также: *Обжог Обжоговец, Обвар Обваровец прилетел без крыл, улетел без ног, у рабы Божьей (имя) ничего не обжог* [Русские заговоры ... №1704].

Другим неизменным атрибутом обряда излечения считались ритуальные предметы. Например, *пупник-горшок* - особый горшок, сделанный по специальному заказу, использовался для лечения от болезней живота в обряде «накидывания горшка на пуп»: 3 восковых огарка, прилепленных к кусочку хлебной корки, ставили на пуп, зажигали и опрокидывали над ним кувшин или горшок, который плотно присасывался к животу [Торэн 1996: 20-21]. «Отголоски» этого забытого обряда находим в выражениях *Горшок на живот - все заживет // Горшок брюха не испортит // Горшок лиха не попустит* [172].

Ни один обряд изгнания болезни (излечения) не обходился без лекарственных растений. Ср.: *На всякую болезнь зелье вырастает // И собака знает, что травой лечатся* [170]. Народная фитонимия фиксирует параллельность номинаций болезней и трав (названия растений по названию болезней) : лапчатка серебристая = *горлянка*, *жабная трава* - от грудной жабы; козлородник луговой = *молочник* - от молочницы; дивало однолетнее = *грыжная трава*; переступень белый = *глистовник*; касатик аировидный = *ужачка*, вероника широколистная = *змеевик* - от укуса змей.

Трава считалась оберегом от злых духов, если, например, имела особую форму (так, живокость = *рогатый* василек имеет удлиненный шпорец у цветка; *Петров крест*, названный по форме корня в виде креста), горький вкус (почти все виды полыни), колючки, шипы (*чертополох*) и т.д. Ср.: *бабий переполох* - название колючника обыкновенного (номинативные варианты: *девичий переполох*, *страхолох*), который запаривали, кололи им ноги больной, развешивали вокруг кровати для лечения испуга от "насылного беса", который в образе какого-нибудь домашнего животного неожиданно появлялся перед женщиной, работавшей по ночам [Коновалова 2000: 22].

Самым ярким этнокультурно выделенным компонентом семантического пространства «болезнь» являются обряды излечения и их названия. Типичным примером может служить, например, обряд «обмана болезни»: перед приступом лихорадки больного приносили в баню, клали на стол и покрывали белой простыней, чтобы, когда придет лихорадка, она думала, что этот больной уже умер, и уходила. Больной также прятался от лихорадки в печь, стараясь обмануть ее [Торэн 1996: 17]. Обман болезни осуществлялся разными способами, например «во время эпидемии холеры на дверях домов, куда еще не проникла болезнь, часто писали углем: "Такого-то нет дома", полагая, что холера, прочитав эту надпись, поверит и обойдет дом стороной» [Левкиевская, 384]. Чтобы обмануть болезнь, на кровать укладывали соломенное чучело, «заменяющее» больного. Такой прием отражает широко используемый способ излечения – «передачу» болезни на какой-либо символический эквивалент (заместитель) больного.

Регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, например, утин присекали *обязательно где-нибудь на дверном пороге; в бане* сначала лечили вывихи (ср. расслабление мышц от тепла), потом почти все болезни изгоняли в бане: *Наешься луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом // Баня - мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь* [170 - 171]; место у огня (*у печи, костра*) использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* - от повальных болезней и мора скота, когда стадо скота

прогоняли между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали и надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* - вечером, утром и вечером следующего дня пресекали утин; *на вечерней заре* читали заговоры против лихорадки, *на утренней заре* – от «насыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга, детских болезней). Лишь «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (чучелом) и т.п.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью. В этой модели язык выступает как основной фактор создания эффекта суггестии. Детальное членение семантического пространства «болезнь», называние каждого его компонента, включенность в ритуал есть проявление стереотипа наивного восприятия болезни и воздействия на нее с помощью различных (в том числе и вербальных) средств симпатической магии.

Литература

Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина, 1898, вып. II.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. 2017. №11.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И., Лундаажанцан П. Национальная специфика ассоциативного контекста зооморфной метафоры // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. №2.

Даль В. И. Пословицы русского народа. В 3-х т. – М., 1993.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург, 2007.

Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. – М., 2003.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // Живая старина, 1897, вып. I-IV.

Познанский Н. Ф. Заговоры. – СПб., 1917.

Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. – СПб., 1903

Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. /Под ред. В.П.Аникина. – М., 1998.

Русский ассоциативный словарь. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева и др. – М., 2002.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.

Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М., 2003

© *Коновалова Н.И., 2018*